УДК 81
DOI: 10.17223/2312461X/23/11

НУЖНА ЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПРИ ОСМЫСЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ?

Вендина О., Паин Э. *Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах*. М.: Сектор, 2018. 184 с. ISBN 978-5-9905530-1-9

В начале 2018 г. увидела свет книга известных российских ученых Ольги Вендиной и Эмиля Паина, объединившая под одной обложкой «сюжеты, относящиеся к государственной национальной политике и к городской проблематике» (с. 170). Правда, объединение это выглядит скорее механическим: политологом Паиным написан раздел «Управление культурным разнообразием и национальная политика», составляющий примерно четверть объема книги, а географом Вендиной – втрое больший по объему раздел «Этнокультурное разнообразие и обыденный опыт регулирования межэтнических взаимодействий (на примере городов Пермь, Ростов-на-Дону и Уфа)».

Паин справедливо ставит вопрос о необходимости «обновления теоретических парадигм в разных сферах государственного управления» (с. 36), в частности – в сфере так называемой национальной политики, предлагая в качестве таких новых парадигм концепции *множественной современности* и *управления культурным разнообразием*. Первая предполагает дополнение ориентации на построение гражданской нации «более широким использованием сложившихся традиционных форм связи населения в городах» (непонятно, почему именно в городах? –

Е.Ф., В.Ф.) в русле неомодернистских представлений о «модернизационном потенциале традиций» (с. 21, 48). Вторая – расширение содержания понятия «национальная политика» за счет включения в него «социальных, религиозных, этнических, демографических и др. различий» (с. 37). Однако дальше по тексту раздела речь все равно идет об «этнополитических конфликтах», «межэтнических отношениях», «диаспорах». Предложения по корректировке методологии национальной политики, которыми завершается раздел, также имеют скорее тактический, а не стратегический характер: речь идет о «взаимосвязанных “отраслевых” политиках – этнической, конфессиональной, миграционной, культурно-образовательной…»; о наделении городов полномочиями «регулирования этнополитических отношений»; об «уточнении целевых установок национальной политики по отношению к городам» (с. 47–48). Не сформулирована даже гипотетическая возможность перехода от «национальной политики» к «управлению культурным многообразием» как на уровне терминологии, так и на практическом уровне. То же можно сказать о предложении отказаться от *мультикультурализма* в пользу *интеркультурализма* (с. 35), поскольку как тот, так и другой базируются на идее взаимодействия между собой *культур*, а не индивидов, каждый из которых может чередовать или сочетать в своей повседневной жизни различные культурные практики.

Понимание того, что в динамичной и сложно социально устроенной городской среде «группы в строгом смысле группами не являются <…>, границы между ними размыты и проницаемы, и каждый человек может быть членом нескольких групп», сформулировано Вендиной в качестве одного из исходных тезисов ее анализа (с. 53). Однако довлеющая парадигма эноцентризма выдает себя уже в названии монографии: вполне достаточно было озаглавить ее просто «Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах», не ограничивая *a priori* понимание природы этого разнообразия как «этнической» (не говоря уже о том, что маркируя как «многоэтничные» города, население которых на 90% этнически однородно, авторы должны признать «многоэтничным» любой город вообще, что делает это определение попросту оксюмороном). Между тем, если уже принимать в качестве рабочей гипотезы значимость *групповой* этнической или какой-либо иной принадлежности, логично было бы предположить, что межгрупповые отношения могут принимать разные формы в сообществах, состоящих из подавляющего большинства и нескольких меньшинств, в сообществах, включающих несколько крупных и множество мелких групп и, наконец, в сообществах, отличающихся сверхмногообразием, где число категорий учета неуклонно растет, а доля каждой из них в общей численности населения сокращается.

Исследование, проведенное в Перми, Ростове-на-Дону и Уфе, позволило собрать богатый и интересный материал. Не менее интересно и его осмысление, предложенное Вендиной. Однако и в этой части книги временами создается ощущение «насилия» над материалом, проистекающее все из той же осознанной или подсознательной установки на поиски этничности. В меньшей степени это выражено в главе, посвященной Перми, где само формирование фокус-групп было подчинено идее социальной, а не этнической стратификации общества: «волонтеры и активисты» как воплощение рождающегося гражданского общества, «рабочие крупных предприятий» как наследники советского прошлого и «новое поколение менеджеров», символизирующее либеральный индивидуализм или, в терминологии автора, «асоциальный экономизм» (но, впрочем, не чуждое патерналистским установкам). Разница «жизненной философии, базовых принципов и установок» этих групп, по признанию Вендиной, «превзошла все ожидания» – в том числе и в том, что касается отношения к меньшинствам и мигрантам (с. 68). Исследование в Перми показало также, что наличие в городе множества «этнокультурных» организаций «не означает деления общества по многочисленным этнокультурным линиям», а большинство населения «живет в соответствии со своими личными, а не групповыми представлениями» (с. 81). Отмечены и такие феномены, как нацеленность «национальных организаций» на продвижение групповых интересов; моральное и материальное «спонсирование» создания так называемых диаспор соответствующими российскими республиками и иностранными государствами; конфликты между различными организациями за эти ресурсы. Вендина обоснованно заключает, что «несмотря на декларируемую ценность межкультурного диалога и позиционирование национально-культурных центров как площадок межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, процесс диаспоризации противоречит этим установкам, способствуя скорее формированию духа национальной замкнутости…» (с. 84). Все это могло бы подвести к более общему выводу о том, что традиционные для российского общества формы и механизмы «национальной политики» лишь способствуют углублению и упрочению представления о «различиях».

Интересно, что в Ростове-на-Дону, где, как и в Перми, русские составляют 90% населения, а следующая по численности переписная категория – три с небольшим процента, фокус-группы были организованы по условному «этническому» признаку (русские, армяне, казаки, «представители северокавказских диаспор» – с. 96). Чем обусловлен такой выбор? Означает ли он, что каждая из этих категорий является социально однородной? Так ли «очевидно культурное многообразие населения города» (Там же), если принять во внимание пропорции большинства и меньшинств? Почему оно более очевидно, чем в Перми?

Кто смотрит на ситуацию в Ростове-на-Дону через этнические очки – сами жители или приезжий исследователь? Правомерность таких вопросов подтверждает приведенная в книге реакция участников фокус-групп на предложение «разделить этносы по степени влиятельности», т.е. по сути на попытку этнизации социальной иерархии: «Ну как можно по национальности выделять?»; «Надо было разбивать на “чиновники, барыги, воры…”, зачем мы так разбили»? (с. 98). Да и сама Вендина признает, что «социальные мотивы реализации собственных жизненных стратегий более значимы, чем этнические» (с. 109). Применительно к Ростову-на-Дону интересны размышления автора о возможных последствиях институализации *диаспор* и возложения на них функций социального и полицейского контроля – распространенной в России технологии *национальной политики*; о причинах скептического отношения жителей города к казачеству; о связи характера городской застройки (большая доля малоэтажного строительства и частных домов) с неразвитостью гражданских инициатив; о важности патрон-клиентских сетей и коалиций интересов. Последнее, впрочем, объясняется в первую очередь характерным для всего российского общества этатизмом, о чем пишет Паин со ссылками на исследования Л. Дробижевой и О. Шкаратана (с. 39–40). Слабо выраженная гражданская субъектность, правовой нигилизм, отсутствие стремления участвовать в политической жизни и общественных делах, дистанцирование от власти, низкий уровень доверия к общественным институтам и к окружающим компенсируются «негативной консолидацией» перед лицом внешних (а иногда и внутренних) врагов. В этой роли, как показывает исследование, могут выступать Запад, либералы, мигранты, евреи, мусульмане…

В Уфе «этническая рамка» анализа городских взаимодействий накладывается не только составом населения (в отличие от двух других городов, русские не составляют здесь численного большинства), но и огосударствлением этничности (статус «титульной нации» у башкир). Поэтому основное внимание в исследовании было обращено не на наличие нескольких центров городской жизни (с. 127) и сосуществование двух различных жизненных укладов – «аграрно-традиционалистского» и «индустриально-инженерного» (с. 130), а на «межгрупповые взаимодействия русских, татар и башкир». Хотя и в данном случае вряд ли следует квалифицировать такие взаимодействия (например, межэтнические браки) как межгрупповые. Вендина пишет: «...деление на русские, башкирские и татарские села полностью исчезает в городе, где все живут вместе в многоэтажных домах» (с. 133). Скорее речь может идти о групповых стереотипах – представлениях о русских, башкирах или татарах «вообще». Собственно, именно их и формулируют участники фокус-групп: русские – ленивые и пьяницы, татары – хитрые и расчетливые, башкиры – добродушные, но грубоватые «дети природы».

Что же касается реального поведения и реальных межличностных взаимодействий, то они в большей степени основываются на рациональности: «...культурная близость определяется… не только этнической принадлежностью… но и опытом городской жизни или профессиональной деятельностью» (с. 138).

Утверждение о том, что «спокойствие социума оказывается защищенным его плюрализмом» (с. 144), представляется более убедительным, нежели сформулированная во введении мысль, будто бы «задачи эффективного городского управления (и самоуправления) не могут быть решены без поддержания сравнительно однородной идентичности» (с. 5) – во всяком случае, история знает немало примеров успешных и притягательных городов с культурно разнородным населением. Не случайно Вендина говорит о важности изучения причин «невозникновения конфликтов в городах и не-перерастания вербальной агрессии в физическую» (с. 55).

К сожалению, не получила должного развития процитированная во введении мысль Р. Парка о принципиально различных механизмах адаптации культурного разнообразия «в сообществах, где рост населения достигается преимущественно за счет преобладания рождаемости над смертностью, и в сообществах, где население растет благодаря миграции» (с. 4) – а ведь она наглядно подтверждается на материалах всех трех российских городов, где проводилось исследование. Везде «старожилы», вопреки видимым культурным различиям, выработали механизмы сравнительно бесконфликтного сосуществования, и везде недавние мигранты вызывают отторжение, неприязнь, иногда опасения. Было бы интересно поразмышлять на эту тему, поскольку именно вторая модель в обозримой перспективе будет господствовать в российских городах – в противном случае население их будет не расти, а сокращаться.

Наиболее интересно в книге как раз то, что выходит за тесные рамки «многоэтничности», этого пустого означающего. В каждом из трех городов удалось уловить местную специфику и предложить ее рациональные объяснения, а заодно поднять общие для российского социума проблемы: формирования гражданской культуры и гражданского общества, соотношения закона и справедливости, индивидуализма и патернализма. Важны выводы о том, что управление культурным разнообразием не должно ограничиваться культурно-просветительской сферой и требует удовлетворения общественного запроса на справедливость и уважение к человеку, придания большей публичности городской политике и активного вовлечения в нее горожан; о назревшей потребности перехода от «управления коллективами» к «коллективному управлению, предполагающему соперничество разных точек зрения, достижение компромисса, а не консенсуса» (с. 169), от государствоцентричной

парадигмы к обществоцентричной (с. 173). Эти выводы звучали бы еще более убедительно, если бы читателю сообщили больше об организации исследования: как отбирались участники фокус-групп, какова была их численность, продолжительность дискуссий, как формулировались вопросы для обсуждения и в какой форме предъявлялись участникам, как фиксировались ответы.

Книга Ольги Вендиной и Эмиля Паина – хороший повод поразмышлять над многими поставленными авторами вопросами, а заодно и над вопросом, который ими не сформулирован: насколько полезен концепт «этничности» для изучения культурного разнообразия и управления им.

Е.И. Филиппова
Институт этнологии и антропологии РАН,
В.Р. Филиппов
Институт Африки РАН

Рецензия поступила в редакцию 20 февраля 2019 г.

Filippova Elena I., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow)
Filippov Vasiliy R., Institute of Africa, Russian Academy of Sciences (Moscow)

DO WE NEED AN ETHNIC PARADIGM TO CONCEPTUALISE CULTURAL DIVERSITY?

Review of Vendina O., Pain E. *Mnogoetnichnyi gorod. Problemy i perspektivy upravleniia kul'turnym raznoobraziem v krupneishikh gorodakh* [The multiethnic city. Issues in and prospects for cultural diversity management in big cities]. Moscow: Sektor, 2018. 184 p. ISBN 978-5-9905530-1-9